

Каковы были мотивы Горбачева, когда он начал перестройку, и на чем он споткнулся? Ответ на эти вопросы немецкий еженедельник Der Spiegel предлагает искать в "доселе неизвестных документах" из личного архива "первого и последнего президента СССР".

Покидая Кремль, "президент без страны" забрал официальные бумаги за период своего пребывания у власти. Теперь "около 10 тыс. документов" хранятся в московском здании "Горбачев-фонда" по адресу Ленинградский проспект, 39. "Молодой российский историк Павел Строилов, в настоящее время живущий в Лондоне, в ходе научной работы в "Горбачев-фонде" тайно скопировал около 30 тыс. страниц хранящихся там материалов и передал их в распоряжение Spiegel".

Архив включает в себя бумаги советников Горбачева по внешнеполитическим делам - Вадима Загладина и Анатолия Черняева, в том числе протоколы переговоров с зарубежными лидерами и дискуссий в Политбюро, рукописные рекомендации Горбачеву, записи телефонных разговоров. Эти документы "иллюстрируют финал коммунистического эксперимента", в них освещаются все без исключения темы, с которыми приходилось иметь дело "самопровозглашенному обновителю Союза".

Горбачеву советуют, как лучше закончить войну в Афганистане, рекомендуют не давать аудиенции главе Организации освобождения Палестины Ясеру Арафату, а совершившего посадку на Красной площади немецкого летчика Матиаса Руста, напротив, принять в Кремле ("Имеются сомнения в его психическом состоянии", - поясняют советники). От "доносчиков в СЕПГ" генсек узнает, как плохо обстоят дела в ГДР, ему сообщают, что пишет о Раисе Горбачевой Paris Match и как певица Алла Пугачева в немецкой газете отозвалась о перестройке. О том, что

партийно-бюрократический аппарат при Горбачеве работал не лучше, чем прежде, можно судить по характеристикам лидеров мирового коммунистического движения, которые давал Черняев: главу французской Компартии Жоржа Марше он сравнил с "дохлой кобылой", а о генеральном секретаре КП США Гэсе Холле отозвался как о "некультурном человеке с плебейским самомнением". "Прорабатывая эти бумаги, будто совершаешь путешествие в машине времени", - подытоживает свои впечатления автор.

Отдельные документы Горбачев использовал в своих книгах, чем "сильно досаждал нынешнему кремлевскому руководству", но "большинство бумаг до сих пор остаются под спудом", и в основном потому, что "не укладываются в тот образ, который создал себе сам Горбачев: образ целеустремленного, передового реформатора, который шаг за шагом меняет на собственный вкус свою огромную страну".

Из полученных Der Spiegel документов в их совокупности "явствует то, что очень не хотел бы предавать огласке Горбачев: что он подчинился течению событий в умиравшем Советском государстве и в хаосе тех дней часто терял ориентацию. А кроме того, что он вел себя двулично и - вопреки собственным утверждениям - время от времени объединялся со сторонниками жесткого курса в партии и армии. Кремлевский начальник, таким образом, сделал то, что делают многие государственные мужи после ухода в отставку: впоследствии он сильно приукрасил портрет смелого реформатора".

"На Западе Горбачева превозносят за то, что он не стал насильственными методами противиться крушению Советского Союза. В действительности же до сих пор неясно, не давал ли шеф Кремля санкций на военные действия против грузин, азербайджанцев и литовцев, восставших в 1989-1991 годах против центральной власти Москвы... Впоследствии он никого не привлек к ответственности; еще и сегодня он говорит, что это "большая загадка", кто отдал приказ на применение силы".

Spiegel приводит цитату из протокола встречи Горбачева с председателем СДПГ Хансом-Йохеном Фогелем, где советский лидер в следующих выражениях "оправдывает действия силовиков" в Тбилиси: "Они были наслышаны о событиях в Грузии. Там собрались известные враги советского строя. Они злоупотребляли демократическим процессом, выкрикивали провокационные лозунги и даже требовали ввести в республику войска НАТО. Мы были обязаны отнестись к этим авантюристам со всей решительностью и защищать перестройку - нашу Революцию". Этот фрагмент Горбачев "позднее, при публикации российских протоколов переговоров, велел вымарать", - утверждает корреспондент.

На заседании Политбюро 4 октября 1989 года Горбачеву доложили, что на площади Тяньаньмэнь в Пекине погибло 3 тыс. человек. По данным Spiegel, он отреагировал так: "Нужно быть реалистами, им нужно было защищаться, и мы будем делать то же самое. 3000... ну и?" При публикации этого протокола данный пассаж также был выпущен, говорится в статье.

В январе 1991 года "под нажимом спецслужб и армии" Горбачев согласился и на "весьма безнадежную авантюру" в Литве. За два дня до штурма телецентра в Вильнюсе, при котором погибло 14 человек, Горбачев заверял президента США Джорджа Буша-старшего, что вмешательство произойдет "лишь в том случае, если прольется кровь или начнутся беспорядки, которые будут угрожать не только нашей конституции, но и человеческим жизням".

Черняев по этому поводу написал шефу письмо следующего содержания: "Михаил Сергеевич! Ваша речь в Верховном Совете (по поводу событий в Вильнюсе) означала конец. Это было не выступление значительного государственного деятеля. Это была сбивчивая, с запинками речь... Вы, очевидно, не знаете, что о вас думают в народе - на улицах, в магазинах, в троллейбусах. Там только и говорят, что о "Горбачеве и его клике". Вы говорили, что хотите изменить мир, и своими собственными руками эту работу губите".

Значительный след в бумагах Горбачева оставил экс-канцлер ФРГ Гельмут Коль. Коль был "в большом долгу" у генсека, поскольку тот не стал препятствовать объединению Германии и ее вступлению в НАТО. При этом советский лидер, как пишет журнал, считал Коля "не самым большим интеллектуалом" и "заурядным провинциальным политиком", хотя тот и располагал значительным влиянием на Западе. Но в 1991 году у немца появился шанс вернуть долг, и в отношениях между двумя политиками наметилось потепление, а в какой-то момент вера Советов в Коля стала "безграничной". В телефонных разговорах того времени Горбачев "жалуется и жалуется, это мольбы утопающего о помощи". С помощью Коля советский лидер пытается "мобилизовать" Запад на спасение СССР. Кроме того, он ищет поддержки против "злейшего соперника - Бориса Ельцина", которого, как выяснится вскоре, оба недооценивают. "Горбачев хочет, чтобы за рубежом его и впредь принимали как главу великой державы, а в кулуарах вынужден побираться", - отмечает автор публикации.

По его наблюдениям, сам Горбачев воспринимал эту ситуацию как "унизительную". К

сентябрю 1991 года экономическое положение страны стало столь отчаянным, что Горбачеву в разговоре с министром иностранных дел Германии Гансом-Дитрихом Геншером пришлось "отбросить всякую гордость". Беседуя с будущим федеральным президентом, а в те времена статс-секретарем Министерства финансов Хорстом Кёлером, Горбачев пытался напомнить ему о заслугах Советского Союза перед планетой: "Сколько сэкономили наша перестройка и новое мышление? Сотни миллиардов долларов для всего остального мира!" 25 декабря того же года Горбачев оставил пост президента СССР. В письме к Гельмуту Колю он снова выглядит "крупным государственным деятелем", и именно поэтому, как считает Неф, это одна из немногих датированных "судьбоносным" 1991 годом бумаг, которые Горбачев опубликовал. В целом же его архив показывает, "насколько ошибочно... [он] оценивал положение и насколько отчаянно... боролся за свой пост".

Кристиан Неф
Der Spiegel
По материалам: InoPressa.ru